

Бегут от реальности дети,
Куда ни посмотрят глаза.
На том ли, на этом ли свете
Они не вернутся назад.
Старик Букашкин
(Е. Малахин)

... писать только о зачеркнутом
и только для зачеркнутых.
С. Кржижановский

Действующие лица:

ПРОФЕССОР, 101 год.

КОНСТАНТИН, 30 лет.

МИХАИЛ, 50 лет.

АЛЕКСАНДР, 50 лет.

ОЛЬГА, 27 лет.

МАРИЯ, 20 лет.

АЛЕКСЕЙ, 30 лет.

БЛАЖЕННАЯ

ЖЕНЩИНА С МЛАДЕНЦЕМ

БАБКА С ВЕРХНЕЙ ПОЛКИ

ВАХТОВИК 1

ВАХТОВИК 2

ПРОВОДНИЦА

ПРОЧИЕ

Картина 1

Купе плацкартного вагона. Друг напротив друга сидят профессор и Константин. На столе остывший чай, дорожные шахматы, рассыпанные фигуры – следы прошедшей баталии. На верхних полках спят вахтовики, вместо подушек положив под головы сумки и обхватив их руками. На нижней боковушке едет женщина с младенцем. На верхней боковушке – бабка.

ПРОФЕССОР. Энергетически сильный локус! Скажите мне, Костя, этот город вообще существует?

КОНСТАНТИН. Если я говорю с вами, уже как минимум один...

ПРОФЕССОР (*перебивает*). Нет! Только представьте: через полчаса вы сойдете на перрон, а город – исчез! Во-круг одно потребительское воодушевление, юношество и феминизм. Как вам такая, например, экспозиция?

КОНСТАНТИН. По-моему, замечательно. Человеку при любом раскладе ничего не остается, кроме как существовать в слове.

ПРОФЕССОР. У вас философский склад ума. И твердый взгляд на вещи. Это располагает к себе. Вы, наверное, писатель, поэт, питомец муз. Не так ли?

КОНСТАНТИН. Я сторож ботанического сада.

ПРОФЕССОР. Да-да, поколение дворников и сторожей. Знаю, слышал. Лет сорок назад это было новостью. Мне нравятся ваша скромность и верность традиции. И все же пятистопный ямб вас выдал с корнями и суффиксами (*произносит нараспев*): я сторож ботанического сада.

КОНСТАНТИН. А вы – не спросил, как вас зовут, – заштатный профессор, ученый умственных наук?

ПРОФЕССОР. Можно и так сказать. Я вечный жид.

Поезд трясет. С верхних полок доносится невнятное бормотание.

ВАХТОВИК 1. Коля, где деньги, где сумка? Это что? Снова Пыть-Ях?

ВАХТОВИК 2. Сеня, подсекай.

Постепенно звуки шевеления сходят на нет.

ПРОФЕССОР. Вы не находите, что это какой-то дурной реализм, пародия на действительность? Плацкартный вагон, липкие стаканы, пьяные вахтовики... И вместе с тем – все так грубо, материально. Да еще и с навязчивым социальным душком...

КОНСТАНТИН. Однако и наш разговор – тоже отчасти пародия, игра.

ПРОФЕССОР. Как вы замечательно сказали! Интеллигентность сама по себе пародийна. Человек делает вид,

что он образ и подобие. Иногда настолько успешно, что и сам начинает себе верить. И все же грустно...

КОНСТАНТИН. Так, значит, в Москву – разгонять тоску?

ПРОФЕССОР. Куда там... Еду на конференцию с докладом «Проблема смешного в творчестве лилипутов».

КОНСТАНТИН. У них уже появилось собственное творчество? Любопытно.

ПРОФЕССОР. Нет, определенно, я нашел родственную душу. Так хочется, знаете, иногда расправить плечи, воспрянуть духом – увидеть нечто серьезное, положительное, титаническое. Или хотя бы скрасить разочарование улыбкой кроткого снисхождения...

КОНСТАНТИН. И я будто с зеркалом разговариваю. В черной раме и с трещинкой наискосок.

ПРОФЕССОР. Ого, удар конем! Тогда, может быть, еще одну партию? Вы за черных или за белых? А впрочем, без разницы... С удовольствием уступаю вам право первого шага.

КОНСТАНТИН. Хотите еще раз изобразить мат в семь ходов?

ПРОФЕССОР. Признаюсь – да. А вы разве не любите проигрывать? Я думал, что это ваш профессиональный навык: из проигрыша делать выигрыш... Вы ведь знаете, что помимо девяти евангельских заповедей блаженства есть еще одна – сугубо поэтическая: блаженны поставившие на зеро.

КОНСТАНТИН. Вы случайно не путаете поэзию с рулеткой?

ПРОФЕССОР. Нет, это Достоевский путал. Я же знаю наверняка: все по-настоящему значительное растет из чувства нуля. Ведь что такое благополучие? Пустышка. Что такое признание? Тоже пустышка. Что такое, в конце концов, сама поэзия? Наиглавнейшая пустышка. И если человек это осознал, он может начинать писать стихи. Есть шанс, что из него что-то выйдет.

КОНСТАНТИН. Все прочее – литература?

ПРОФЕССОР. Безусловно. И часто второсортная. Вот как у нас сейчас с вами.

Поезд вновь трясет.

ВАХТОВИК 1. Политура... пол-литра... Что? Коля, где сумка? Где деньги?

ВАХТОВИК 2. Сеня, я в ноль.

ВАХТОВИК 1 (громко). Где все?

БАБКА. Ух, ироды.

ПРОФЕССОР (*медленно встает, оборачивается, басыт в самое ухо вахтовика 1*). Эй, трудяга, усни покойно! Твой поезд давно ушел! (*Неторопливо присаживается, делает глоток чая.*)

Испуганное молчание. Приглушенный стук колес.

ПРОФЕССОР (*Константину*). Извините, пришлось немного ему подыграть, чтобы действие хоть чуть-чуть походило на комедию абсурда.

КОНСТАНТИН. Кому – ему?

ПРОФЕССОР (*жест указательным пальцем в потолок*). Тому, кто сверху. Начальнику хора.

Раздается плач ребенка.

ЖЕНЩИНА (*ребенку*). Тише, тише. (*Всем остальным, во весь голос.*) Ну чего разорались? У меня из-за вас молоко пропало!

БАБКА. Тоже мне – мать-млекопитательница. Разведенная, наверное.

ЖЕНЩИНА (*бабке*). Вы там соображение не отлежали?

БАБКА. Ты, что ли, умная шибко? Ребеночка своего успокой.

ПРОФЕССОР (Константину). Нет, так решительно невозможно: штамп на штампе. Сейчас мы услышим еще один раздраженный голос.

Приходит проводница.

ПРОВОДНИЦА. Те пьют, эти пьют. Не плацкарт, а вагон-ресторан какой-то. Кто шумел? (Профессору и Константину.) Вы шумели?

БАБКА. Эти-то чинно сидят, беседуют – любо-дорого посмотреть. Тот, что с бородой, даже на батюшку похож, на отца Герасима нашего. Так же мудрено говорит – не поймешь ничего. А вот те как бы не свалились...

ПРОВОДНИЦА. Что-то у вас мочой здесь пахнет. Ну, кто сырость развел?

БАБКА. Так рядом с гальюном едем – какие уж тут благовония... Да и младенчик здесь – опростался поди, вишь, как лобик наморщил...

С верхней полки начинает стекать влага. Константин жметя в сторону. Проводница тормозит вахтовика 2.

ПРОВОДНИЦА. Эй, трудяга, очнись! Совсем одурел, что ли! Сейчас тряпку принесу, весь вагон драить будешь. И мне все равно, что ты с вахты едешь, я тебе не вахтерша-поломойка, а проводница. Выпровожу к чертям!

ВАХТОВИК 2. Сеня...

ВАХТОВИК 1. Коля...

ПРОФЕССОР. Если быть объективным...

БАБКА. Я же говорю – отец Герасим. Вылитый!

ЖЕНЩИНА. Тише, тише!

ПРОВОДНИЦА. Мне пассажиров запускать, а тут зоопарк какой-то! И вы чего уставились на эту пьянь?

ВАХТОВИК 1. Коля!

ВАХТОВИК 2. Сеня!

БАБКА. Ноев ковчег – не иначе!

ПРОВОДНИЦА. Ты еще давай поблажи мне!

ПРОФЕССОР. Какая безвкусица! И почему люди на это смотрят? Потому что билеты куплены и места уже заняты?

КОНСТАНТИН (*пробирается к выходу*). Вот и приехали. Мне пора.

ПРОФЕССОР (*идет следом*). Пожалуй, и мне тоже. Переместимся с шахматной доски, так сказать, в мир реальных людей...

КОНСТАНТИН. Вам же дальше, на конференцию?

ПРОФЕССОР. Успеется! Времени до нее – как до второго пришествия. Я только дополню...

КОНСТАНТИН (*перебивает*). Материала и здесь достаточно.

ПРОФЕССОР. И все же будьте другом, впишите меня.

КОНСТАНТИН. Куда? В сторожку? В нирвану? В компанию молодых и задорных?

ПРОФЕССОР. Да-да. В графу навечно выбывших.

Картина 2

Просторное помещение без мебели – голые белые стены. На полу полукругом сидят Мария, Михаил, Александр, Ольга и прочие: юноши-интеллектуалы, филологические барышни, неопанки, фрики. Иногда кто-то из прочих встает и молча уходит – на его место приходит другой. Перед Михаилом лежат исписанные листы. Мария с карандашом и блокнотом в руках. Периодически извне слышны звуки ремонтных работ.

МАРИЯ. Что есть один?

МИХАИЛ. Человек.

МАРИЯ. Что есть два?

МИХАИЛ. Двуприродная сущность Христа.

АЛЕКСАНДР. Двуликий Янус.

Мария записывает ответы.

МАРИЯ. Что есть три?

МИХАИЛ. Три ипостаси Святой Троицы.

АЛЕКСАНДР (*приподнимает почтатую бутылку*). Три звездочки российского коньяка.

МАРИЯ (*Ольге*). Ну, теперь ты?

ОЛЬГА. Что я?

МАРИЯ. Включайся! Это просто такая игра – один говорит, другой отвечает.

ОЛЬГА. Не знаю... Три стороны бумаги.

Мария записывает ответы.

МАРИЯ. Что есть четыре?

МИХАИЛ. Нет! Вы увлекаетесь. Давайте серьезнее. Мы все-таки манифест пишем. Вернемся лучше к первой редакции. Итак, чего мы хотим?

МАРИЯ. Вечной молодости. И чтоб за сценой никто не умирал.

АЛЕКСАНДР. Всеобщего малодушия без подвигов, как завещал Венечка.

МИХАИЛ (*веско, с расстановкой*). Мы хотим воссоздать систему.

АЛЕКСАНДР. Миша, хиппи давно умерли. А те, что выжили, перебрались в «Фейсбук».

МИХАИЛ. Но ведь я-то остался!

АЛЕКСАНДР. Ты мог бы ездить автостопом по разным городам, жить на вписках, читать в библиотеках лекции о рок-движении, делиться легендами...

МИХАИЛ (*перебивает*). Не то! Я хочу, чтоб действительность вновь стала легендой.

Строительный шум. Звук бьющегося стекла. Матерная брань.

МАРИЯ (*громко*). Эй, там, в курилке! Слишком много реальности. Прикройте плотнее двери.

Шум стихает.

МИХАИЛ. Да, окончательный прорыв западной контркультуры и христианский миф советских хиппи не состоялись. Пластмассовый мир выстоял. Утопия накрылась медным тазом, а герои сопротивления ушли в подполье. Но место не может оставаться пустым – иначе общество так называемых взрослых, обезличенное и безыдейное, поглотит последнюю живую душу. Нам нужен новый миф! И собрать его я предлагаю из тех осколков, что еще уцелели.

АЛЕКСАНДР (*поднимает бутылку над головой*). Мы уцелевшие осколки! Ура.

МИХАИЛ. Если в нулевые еще были попытки объединения, были эфемерные субкультуры – субтильные эмо, кладбищенские готы, то теперь один большой прочерк.

АЛЕКСАНДР. А как же «Яндекс. Еда»? Мы ведь не знаем этих желтых людей с рюкзаками: вдруг у них уже зародились собственное мировоззрение, музыка, сленг...

МАРИЯ. Они такие яркие, забавные... Я бы с ними Петрушку поставила.

АЛЕКСАНДР. Давайте организуем балаган.

МИХАИЛ. Таким образом, без нового культурного трамплина все пойдет по нисходящей. Настало время идейного подвижничества.

АЛЕКСАНДР. Подвигаться бы не помешало. Засиделись.

МАРИЯ. Оля, а ты почему во внутренний монолог ушла?

ОЛЬГА. Я человек новый... Мне просто все непривычно... Интереснее слушать.

МИХАИЛ (берет в руки листы). В общем, зачитываю. Новый Иерусалим. Город Мандала. Всем-всем-всем. Братьям и сестрам. Людям всех национальностей, религий и убеждений. Восстаньте из прошлого и шагните в будущее. Долой настоящее, навязанное извне. Мы против любой яви, заявляющейся в явочном порядке. Сотворим свою действительность сами. Жизнь и творчество объявляются тождеством. Мы – катализатор гармонии. Мы – единение без подчинения. Мы – радуга над Вавилоном. Двери Академии распахнуты в вечность. Приглашаем присоединиться к вселенскому собору любви.

АЛЕКСАНДР. Николай Федоров сейчас в гробу перевернулся. А Хлебников в ладоши захопал.

МИХАИЛ. И это только начало. Мы с вами будем ядром, вокруг которого придут в движение все остальные.

АЛЕКСАНДР. Они – отрицательные электроны. А мы – положительное ядро. Я согласен! Только вы знаете, что атом не существует, что это выдумка Резерфорда?

МИХАИЛ. Саша, ты сам выдумка! Умничать раньше надо было, в аспирантуре. Сейчас бы кафедрой заведовал, а не книги свои в переходе распродавал.

АЛЕКСАНДР. Это мой андеграунд. А книги – для дураков. И разве здесь у нас не Академия?

МАРИЯ. Хорошие реплики. С подтекстом. Мне нравится!

На пороге появляются Константин и профессор.

КОНСТАНТИН. Всем привет. Я вам привел еще одного абитуриента. Знакомьтесь: это профессор.

МАРИЯ (бежит с объятиями навстречу). Костя, Костя пришел!

Восторженно-сдержанное приветствие. Константин проходит в комнату, здоровается за руку с Михаилом и Александром. Мария в удивлении застывает перед профессором.

МАРИЯ (профессору). О, как вы похожи на Старика Букашкина! Можно я буду вас так называть? Какая у вас борода!

МАРИЯ и ПРОФЕССОР (смотрят друг на друга, затем одновременно скандируют). Ну до чего же хорошо – и жизнь прожил, и жив ЕШО! (Мария смеется.)

ПРОФЕССОР. Хотя, знаете, ничего хорошего...

МАРИЯ. А у нас манифест готов! Подпишетесь?

ПРОФЕССОР. Манифест?

МАРИЯ. Манифест Академии будущего!

МИХАИЛ. Да, теперь нужно решить, что с ним будем делать. Может, расклеим на столбах и заборах?

АЛЕКСАНДР. Разнесем по больницам, тюрьмам и детским садам.

МАРИЯ. Распечатаем на почтовых бланках и разбросаем возле главпочтамта!

ОЛЬГА. А затем захватим и сам главпочтамт.

Все смотрят на профессора.

ПРОФЕССОР. Я думаю, что манифест – тем более манифест будущего – должен быть не просто попран ногами, как все высокое и истинное. Он должен перерости, изжить самое себя – войти в плоть и кровь вещества

окружающего мира, оставшись при этом неузнанным. И таким образом, освободившись от целесообразности, от грубых причинно-следственных связей, шагнуть из мира печатных знаков в мир чистых идей и образов, в ноосферу, дабы обрести там свое подлинное бытие. Иными словами, я предлагаю манифест разорвать на мелкие кусочки и подбросить в воздух.

МАРИЯ. Вот это абсолютный театральный жест! Гениально! (Целует профессора в бороду.) Профессор, вы назначаетесь нашим ректором.

ПРОФЕССОР. Сам Евреинов учился у меня.

МИХАИЛ. Но мы же хотели...

МАРИЯ (перебивает). Кто молод – тот и прав! (Выхватывает у Михаила листы, рвет их на части и подбрасывает над головой.) Театр – это эмоции! Театр – это жизнь! Театр – лучше жизни!

Раздается музыка группы «The Crazy World of Arthur Brown». Мария в танце увлекает профессора. К ним присоединяется Михаил. Затем начинают танцевать Ольга, Александр и все прочие. Константин остается стоять в стороне.

Картина 3

Сторожка ботанического сада: просто, камерно, уютно. Почти все сделано из дерева. За столом сидят Константин и Михаил. Стол завален книгами, бумагами. Перед Михаилом стакан и бутылка вина.

МИХАИЛ. Кто он такой вообще? Зачем ты его привел?

КОНСТАНТИН. Да не все ли равно? В поезде за мной увязался. Куда его было деть?

МИХАИЛ. И где он сейчас?

КОНСТАНТИН. Ушел изучать ботсад. Флора, говорит, интереснее фауны.

МИХАИЛ. Пестики-тычинки, травки-цветочки... Дети цветов... И почему Машка не родилась лет на тридцать раньше?

КОНСТАНТИН. Вероятно, лет тридцать назад была другая такая же Маша.

МИХАИЛ. Это да... Но умнеешь-то только к пятидесяти. И ведь я понимаю, что девчонка, что глупенькая, что один театр на уме, что разница в возрасте. Да что я тебе рассказываю – ты и сам Набокова читал... И вот это дыхание под сорочкой, узкие ступни...

КОНСТАНТИН. Ясный взгляд в будущее.

МИХАИЛ. Именно! И когда вживую с этим столкнешься – страшно. Радостно и страшно. Будто стоишь на обочине, а на тебя фура несется, и ты гадаешь: остановится, возьмет? Или крылом заденет...

КОНСТАНТИН. Так тебе Машка нужна или система?

МИХАИЛ. Для меня всегда Бог открывался через женщину. Будет Машка – будет система. С ней все закрутится, я уверен, и мы еще раскачаем это болото. Вдвоем – мы сможем. И то, что тогда не получилось, получится сейчас... Жаль, ты не застал то время, когда в каждой луже бензиновой или двери распахнутой какой-то портал, выход вовне виделся – в другую реальность. И это без всякой дури. Казалось, что вот-вот, уже скоро.

КОНСТАНТИН. Как летом 67-го...

МИХАИЛ. Оно не закончилось! Лето любви – это и есть христианство. Однажды начавшись, оно не может закончиться. В этом моя вера, если хочешь. Мой религиозный опыт.

КОНСТАНТИН. А жена... Не боишься за нее?

МИХАИЛ. Да она со свадьбы нашей про суицид твердит! Ничего, жива до сих пор.

Михаил встает, прохаживается взад-вперед.

МИХАИЛ. Ты пойми! Тебе легко рассуждать: укрылся от жизни у себя в скиту – за книгами, стихами, моралью. И правильно – потому жизнь в тебе самом еще бьется, хоть ты стариком и прикидываешься. В тридцать лет – ведь ты моего сына ровесник... А что? Удобно: этакая красивая олдовость с чужого плеча. «Тебе идут восточные шелка, как мне – задумчивость и старость». Только ты это курсисткам читай, им понравится! А я... уже известь в крови чувствую. Скоро воском покрываться начну, как твой профессор.

КОНСТАНТИН. Он-то нас с тобой еще переживет...

В сторожку заходит профессор – с венком из одуванчиков и с куцым букетом в руках.

ПРОФЕССОР (Михаилу). Здравствуйте. А я для вас венок сплел! Цветы – вещь хоть и недолговечная, а все же память об индейском лете. If you are going to San Francisco... Вы позволите?

Профессор, не дожидаясь ответа, кладет венок Михаилу на колено. Михаил неподвижен.

ПРОФЕССОР (Константину). А для вас, Костя, букетик! Нельзя, чтобы такое поэтическое пространство оставалось без украшения – в духе русских романтиков и Озерной школы. Разрешите?

Профессор, не дожидаясь ответа, наливает Михаилу полный стакан вина. Остатки из горлышка допивает сам. Из рукомошника наливает воду в бутылку, вставляет цветы, водружает «вазу» на стол.

ПРОФЕССОР. Совсем другое дело! (Замечает среди бумаг на столе листок со стихами.) А у вас, я смотрю, уже и новое стихотворение готово? Что ни говори, а весна – время благодатное!

КОНСТАНТИН. Это так, набросок... Не получилось... Стихи вразнос пошли.

МИХАИЛ. Как центрифуга, что ли? Прочитай.

ПРОФЕССОР. Когда просят, нужно читать.

Константин нехотя берет листок со стихами, читает монотонно, без выражения.

КОНСТАНТИН. В сторожке жизнь идет моя, в острожке – дежурства сутки засчитай за трое, – безмерно долг, точно вкус морошки, день в окаянно-покаянном строе, в строю бессобытийном – дни, на что вы? – не балуя, боли во мне, белей, пока не свернут, как листок почтовый, небесный свиток предзакатной охры, замысливший побег и слезку вохры, – разве я сторож памяти моей?

Профессор и Михаил смотрят на Константина.

ПРОФЕССОР. В строгой форме – какая экспрессия! Сильно, талантливо.

МИХАИЛ. Да-а... Долгая память – хуже, чем сифилис.

КОНСТАНТИН. Кому как.

МИХАИЛ. И почему бы тебе не найти себе нормальную молодую женщину? Та же Ольга, например...

КОНСТАНТИН. Я остаюсь верен человеку, даже если человека не стало.

МИХАИЛ. А если это в тебе чего-то не стало? Смелости, например. Или дионисийство выдохлось – и нафталин

по вкусу пришелся? Удобнее в прошлом существовать, которое второй раз уже не ударит?

КОНСТАНТИН. Прошлое похоронить проще, чем...

МИХАИЛ (*перебивает*). Чем что?

ПРОФЕССОР. Не будем, не будем лезть с расспросами! Здесь что-то глубоко личное. Следует уважать сердечную тайну. И – чувствуете? – воздух дрожит от сравнений и эмоционального напряжения. Давайте я вам лучше расскажу какой-нибудь занятный случай, анекдот.

Константин и Михаил молчат. Профессор берет пустой ящик из-под рассады, садится.

ПРОФЕССОР. Один человек задумал написать эпитафию. Самому себе. Заранее, так сказать. Впрочем, как же иначе?.. И так как умирают лишь однажды, он решил подойти к делу максимально ответственно и серьезно. И для начала потренироваться на чужих эпитафиях – овладеть жанром, отточить слог. Ну, вам как людям пера это понятно. Поначалу ему было волнительно и неловко. Первую эпитафию он написал о человеке, которого совсем не знал. Родственники остались довольны, и он почувствовал себя увереннее. Потом он написал еще одну эпитафию, и еще одну. Затем подал объявление в газету, в раздел товаров и услуг: пишу эпитафии, в стихах и в прозе, по фотографии и без, недорого. Заказы пошли валом. Работа ему полюбилась. Через какое-то время он и близким друзьям стал преподносить по случаю памятных дат и юбилеев, в качестве подарка, свои небольшие изящные творения – от чистого сердца, в знак преданности и дружбы. Так человеку открылось собственное призвание, талант, дело всей жизни. И он, осознав себя нужным людям, просто передумал умирать.

МИХАИЛ. Пфф. Какой-то нежизненный случай.

ПРОФЕССОР. Конечно. Но ведь дело не в этом.

МИХАИЛ. Ладно, засиделся... (Встает, венки падает и цепляется ему за ботинок.) Завтра у нас перформанс. Пора выйти в мир и ударить по обывательскому сознанию. Нечего жалеть эту вату. (Константину.) Ты придешь? Или такие шутки не по тебе?

КОНСТАНТИН. Мы придем с профессором на вас посмотреть.

ПРОФЕССОР. Да, это занятнее, чем взбивать подушки.

Михаил, не прощаясь, уходит. На пороге остается раздавленный венок.

Картина 4

Городской сквер. Подготовка к перформанс-карнавалу. Михаил во всем старом и рваном, босиком, лицо измазано сажей. В руках у него веревка с привязанными к ней пустыми пивными банками. Ольга и Мария в белых хламидах, сшитых из простыней и накинутых поверх одежды. Профессор, обмотанный связками сарделек и баранок, в квадратных очках, изображающих диптих Энди Уорхола «Мэрилин Монро», сидит на коленях в продуктовой тележке. Тележка до краев полна шелестящего мусора: пустые упаковки, этикетки, рекламные купоны. Константин и Александр одеты цивильно. Рядом небольшая группа прочих с плакатами: «Дашь второе пришествие!», «Чаем воскресения смыслов!», «Акриды и дикий мед вкуснее жвачки!» и др.

МИХАИЛ. Если привяжется полиция, скажем, что мы православные активисты. Нас не тронут.

МАРИЯ. А плакаты куда? Под хламиды? В урны?

МИХАИЛ. Плакаты можно не прятать. Из ментов никто вчитываться не будет – образования не хватит. Они только удостоверения и паспорта читают.

МАРИЯ. Что-то я волнуюсь немного. Как перед зачетом по сценической речи.

МИХАИЛ. Пустяки. Представь, что вокруг одна отъявленная бесовщина, а ты, точнее, у тебя...

АЛЕКСАНДР (*перебивает*). Кадило в руках.

Смех. Легкое побрякивание пивных банок.

МАРИЯ. Ух, я бы пошла!..

АЛЕКСАНДР. Где махнет – там улица, отмахнется – переулочек. Отец Герасим – вылитый!

МИХАИЛ (*напевает*). Я ищу таких, как я, сумасшедших и смешных, сумасшедших и больных, е-е-е.

АЛЕКСАНДР, ОЛЬГА, МАРИЯ (*подхватывают песню, громко*). А когда я их найду, мы уйдем отсюда прочь, мы уйдем отсюда в ночь, мы уйдем из зоопарка-аа-ааа! Мы уйдем из зоопарка-аа-ааа!

МИХАИЛ. Кайф!

МАРИЯ. А тележку тоже не бросаем?

АЛЕКСАНДР. Своих не бросаем, пленных не берем, на вопросы не отвечаем.

МИХАИЛ. Да, тележка еще пригодится.

АЛЕКСАНДР. Завтра на ней юбиляра катать будем. Да, Миша? (*Профессору.*) Как вам, кстати, в ней, удобно?

ПРОФЕССОР. Тележка добротная, колесики ходкие: хоть сейчас иконку в руки – и милостыню собирай.

АЛЕКСАНДР. Честно говоря, не ожидал, профессор. Вас увидел – и сам развеселился. Перестройку, начало девяностых вдруг вспомнил: тогда почти так же одевались. Кто рокер, кто националист, кто со справкой из дурки – сразу и не разберешь. Да, времена студенческие,

когда за ночь отрывной календарь на месяц вперед искуривали, а в литровой банке бычки...

МИХАИЛ (*перебивает*). В томате. Ладно, ностальгировать можно долго. А прошлое само не воскреснет. Докурим и двинемся, что ли?

ОЛЬГА (*в стороне от остальных*). Костя, а ты всегда такой сосредоточенный и молчаливый? Слова для стихов бережешь?

КОНСТАНТИН. Не для плакатов же их беречь...

ОЛЬГА. Тогда я один тебе подарю. (*Вешает на шею Константина картонку с улыбающимся смайликом.*) Так-то лучше! (*Смеется.*) И дни рождения ты тоже, наверное, не любишь? Завтра не придешь?

КОНСТАНТИН. Приду. Жизнь – это праздник. Куда деваться?

ОЛЬГА. Это мне нравится!

МИХАИЛ (*собирая людей*). Ну, слова не забыли? С Богом!

ПРОФЕССОР. Поехали!

Процессия выдвигается на центральную улицу. Александр катит тележку. Профессор то кланяется земле, то воздевает руки к небу. Следом идет Михаил, помахивая веревкой с банками, точно кадиллом. По обе стороны от него Мария и Ольга. За ними группа прочих. В самом конце плетется Константин с плакатом на шее. По ходу движения за карнавалом увязывается несколько случайных людей – бомжей, гуляк, школьников. Прохожие недоуменно стороняются.

МИХАИЛ (*во весь голос*). Месяца китовраса в нелепый день, в неподобных чертогах супермаркета шального, нареченного по иноческому чину лабазом. Зазвеним в пустые корзинки, забасим в литые тележки, ибо глас пустошный свой издаст утроба.

ОЛЬГА и МАРИЯ (хором). Прочь, мамона! Прочь, мамона! Прочь!

МИХАИЛ. О лабазе! Пастырь добрый и странноприимник – имущих-жующих, премногих-убогих, беспечных-увечных. Рекламою освященный, душу акциями веселящий, от скорбей отлучающий.

ОЛЬГА и МАРИЯ. Отрицаемся тебе! Отрицаемся тебе! Отрицаемся!

МИХАИЛ. Очистился донага, без имени стал, и паки к тебе прибегаю. В царствие свое двери отверзи мне. Светом неоновым естество мое озари, от заботы и скукы избавь, в пучину раздумья не ввергни.

ОЛЬГА и МАРИЯ. Да исчезнет яко дым! Да исчезнет яко дым! Да исчезнет!

МИХАИЛ. И ты, телевиденье златоустое, проповедниче власть имущих! Благовествование твое держим крепко, гласу твоему исповедуемся, на щедроты твои уповаем. Буди милостиво к нам, потешным.

ОЛЬГА и МАРИЯ. От лукавого избавь! От лукавого избавь! От лукавого!

МИХАИЛ. И брат твой единоутробный, шалман-сквернопевец, звездами сияющий! Как стремится олень на источники вод, так и я прибегаю к твоей благодати. Безрукие, взиграйте в гусли, буявые, в микрофоны воспойте стихиры юродские!

ОЛЬГА и МАРИЯ. В искушение не введи! В искушение не введи! В искушение!

Навстречу процессии движется блаженная, босиком, с котомкой – раздает прохожим крашеные яйца, куличики.

БЛАЖЕННАЯ. Христос Воскресе! Люди добрые, Христос Воскресе! Радость живая! Свет невечерний!

МИХАИЛ. Да возрадуется босота! Да воскликнет убожеством! Твой образ троичен приемлюще, украсится

и процветет, яко губы собачьи мест скаредных. Диадемою праздник сей...

Блаженная равняется с тележкой, узнает Александра, протягивает руки. Процессия останавливается, смолкает.

БЛАЖЕННАЯ. Из мертвых восстал! Люди добрые... Сашенька! Душа моя!

АЛЕКСАНДР. Здравствуй... сколько лет... я как бы... вообще...

БЛАЖЕННАЯ. Христос Воскресе! Ты не смущайся. Праздник же! Миша любит, когда я такая веселая.

АЛЕКСАНДР. Так ведь Пасха прошла... Да я и неверующий вроде...

БЛАЖЕННАЯ. Это неважно. Христос все равно Воскресе. (Роется в котомке.) Ты прими куличик!

Александр берет куличик.

БЛАЖЕННАЯ. Ох, память! (Хлопает себя ладонью.) Я ведь тебе конспекты с прошлого курса по неоплатоникам – в синей тетрадке – так и не вернула. После сессии заходи к нам с Мишей на чай. С гитарой, песни попоем. У нас и пластинка есть новая – Артур Браун! Миша на Туче выменял. Приходи! Только, чур, без портвейна и без ваших разговоров заумных, философских. Ни-ни! Спорить не надо. Любить надо. (Берет Александра за рукав.) Тебе сколько экзаменов еще осталось?

АЛЕКСАНДР. Один. Последний. Самый трудный.

БЛАЖЕННАЯ. Ну, Бог поможет, сдашь.

АЛЕКСАНДР. Поможет. Если не завалит...

Блаженная на прощание кивает головой, идет дальше своей дорогой. Участники процессии стоят на месте, смотрят ей вслед.

БЛАЖЕННАЯ. Люди добрые, Христос Воскресе! Радость живая, свет невечерний...

Будто очнувшись, Ольга скидывает с себя хламиду. Следом Мария скидывает свою – и топчет ногами. На землю летят плакаты. Прочие расходятся в разные стороны. Молчание разрешается многоголосоицей.

ПРОФЕССОР. Как говорится, ex ore mulier – устами женщины... Если не истина, то, возможно, Бог.

МАРИЯ. Мы стремные, мы стремные! Нужно вот так. Или никак! Какие же мы убогие. Драмкружок устроили школьный. Клоуны-аниматоры! И это, по-вашему, жизне-творчество, выход за рампу – речевки заученные хором выкрикивать?

МИХАИЛ (порывается обнять). Маша, Маша, успокойся. Иди ко мне! Это только начало... Мы все исправим... У нас получится.

ОЛЬГА (шепчет). Какая пошлость... Какая пошлость...

АЛЕКСАНДР (самому себе). И где моя синяя тетрадка? Где туча с пластинками? Миша, где эти тридцать лет?

Константин перекладывает в уличный бак мусор из корзины.

ПРОФЕССОР (снимает с себя реквизит). Кому-нибудь нужны такие очки? В них совсем ничего не видно. Красота!

Все смотрят в землю. Мария плачет на плече Михаила.

Картина 5

Захламленная «малосемейка» без кухни. Из комнаты в прихожую и обратно ходит Алексей, сложив руки за

спиной. Михаил сидит на диване, гладит ладонью женскую кофту, лежащую на подлокотнике. Оба молчат.

МИХАИЛ. Может, уже присядешь, Алеша? Что ты такой беспокойный?

АЛЕКСЕЙ (на ходу). Конечно, чего мне переживать...

МИХАИЛ. Да нет у тебя никакого цирроза! Анализы хорошие. Надо продолжать лечиться. Гепатит лечится. Ты просто мнительный.

АЛЕКСЕЙ. Да? Тогда кровотечения откуда?

МИХАИЛ. А ты о чем думал, одной иглой ширяясь?

Молчание. Алексей продолжает ходить из угла в угол.

АЛЕКСЕЙ. Дядя Саша придет?

МИХАИЛ. Зачем он тебе?

АЛЕКСЕЙ. Хочу спросить у него, что такое диалектика и трансцендентность. Я в одной книжке прочитал, но мне непонятно.

МИХАИЛ. Спроси у меня. Один факультет как-никак оканчивали.

АЛЕКСЕЙ. Я уже спрашивал, папа...

Звонок в дверь. Михаил открывает. На пороге Александр и Ольга.

АЛЕКСАНДР. Шестой десяток – не шутка. Привет, Мишутка! Что-то ты угрюмый сегодня.

ОЛЬГА (вручает Михаилу торт). С днем рождения!

МИХАИЛ. А вы вместе, что ли?

ОЛЬГА. Нет, в подъезде встретились...

АЛЕКСАНДР. Ага. Я уж полпачки под дверь выкурить успел.

Александр картинно приоткрывает пиджак. Из внутреннего кармана выставляется горлышко бутылки.

МИХАИЛ (Александр, вполголоса). Пока не доставай. Алеша уйдет, тогда выпьем.

Александр и Ольга проходят в комнату.

АЛЕКСЕЙ. Здравствуйте.

АЛЕКСАНДР. О, привет, Алеша! (Хлопает Алексея по плечу.) Как вытянулся, окреп. И не узнать! А я тебя еще вот таким – детдом... тьфу... детсадовцем помню. Голыми ножками по общаге топал, стаканы с пепельницами опрокидывал.

АЛЕКСЕЙ. Ну, я пойду, наверное... Мне пора.

МИХАИЛ. Что? Пошел уже? (Провожает к двери.) Маме привет передавай. Дать тебе сигарет на дорогу? На, держи парочку. А знаешь, забирай всю пачку. Бери-бери. У меня еще одна есть.

АЛЕКСЕЙ (берет сигареты). До свиданья, папа.

Алексей уходит. Михаил возвращается к столу, устало опускается на диван.

МИХАИЛ (Александр). Ну, разливай пока, что ли...

Александр возится с бутылкой. Ольга расставляет блюдца, чашки. Раздается звонок. Михаил спешит к двери.

МИХАИЛ. Вот и Маша! Садимся за стол. Костю ждать не будем.

На пороге вновь Алексей.

АЛЕКСЕЙ. Еще немного посижу с вами... (Заглядывает в комнату.) У вас вино? Можно я выпью чуть-чуть?

МИХАИЛ. Какое вино, Алеша? У тебя капельницы. Ты забыл?

АЛЕКСЕЙ. Ну капелька ведь не повредит. Я на прошлой неделе выпил полстакана пива – и ничего, все нормально было.

МИХАИЛ (громко, через плечо). Так, Александр, мы сегодня без алкоголя. Убирай штопор.

АЛЕКСЕЙ. Ну хорошо, хорошо... Я еще про диалектику хотел...

Ольга усаживает Алексея за стол, наливает чай.

АЛЕКСАНДР. Диалектика, брат, это дело простое. Как в анекдоте, знаешь? Окончил Василий Иванович университет и вернулся в дивизию. Петька у него спрашивает, что такое диалектика, логика и философия. Тот ему – вон, видишь, два мужика стоят, один чистый, другой грязный. Кому из них в баню идти?

Звонок в дверь.

МИХАИЛ (срывается с места). Ну, теперь точно Машка!

На пороге профессор и Константин.

ПРОФЕССОР (освобождает от подарочной бумаги нечто вроде крутящегося барабана). С днем рождения, Михаил! Примите мой скромный подарок. Это лотерея добра – абсолютно беспроигрышная и бесплатная. Здесь 365 бумажек – на каждый день. Пусть весь год у вас будет хорошее настроение. Попробуйте прямо сейчас! В такой праздник вы и с друзьями, я думаю, захотите поделиться бумажной радостью. Не жалейте, ее много!

МИХАИЛ. Может, уже достаточно подарков, профессор?

ПРОФЕССОР. Вы подозреваете, что здесь какая-то насмешка, обман, злой умысел? Уверяю вас, ничего подобного. Здесь нет никакого подвоха. Только жизнеутверждающие сентенции и комплименты. Доверьтесь мне! Крутните колесо фортуны! Или давайте я первый вытяну бумажку.

Профессор крутит барабан, вынимает бумажку, зачитывает.

ПРОФЕССОР. Вы – душа компании. Видите! Ничего крамольного. (Константину.) Попробуйте, Константин.

КОНСТАНТИН (недоверчиво повторяет действия профессора). Вас любят.

ПРОФЕССОР. Вас любят – это же замечательно! (Ольге.) Теперь вы, Ольга.

Профессор обходит с лотереей всех присутствующих. Каждый зачитывает выпавшее ему.

ОЛЬГА. У вас обворожительная улыбка.

ПРОФЕССОР. Да! И это чистейшая правда. (Михаилу.) Ваша очередь, Михаил.

МИХАИЛ. Долгожданная встреча уже близко.

ПРОФЕССОР. Я же говорил! Здорово! (Александрю.) Пожалуйста, Александр.

АЛЕКСАНДР. Вы полны сил.

ПРОФЕССОР. Конечно! Унынию нет места. (Алексею.) Прошу.

АЛЕКСЕЙ. Будущее в ваших руках.

ПРОФЕССОР. Без сомнения!

Резкий стук в дверь. Михаил открывает. На пороге Мария, вне себя, рыдает.

МАРИЯ. Так нельзя, нельзя! Я не верю...

Михаил и Ольга бросаются к Марии, пытаются ее успокоить, усаживают на стул. Константин приносит стакан воды.

МИХАИЛ и ОЛЬГА. Что?! Что случилось?

МАРИЯ. Там дворняга, у дороги... Лужа крови... Настоящая кровь... Закройте форточку! На моих глазах... Машина повернула – и... Так не бывает, не должно быть! Утром я вышла – она хвостом виляла. У подъезда. Щенки в коробке, рыженькие... А сейчас... Машина поворачивала... Я не выйду отсюда!

ОЛЬГА (*гладит Марию по голове*). Ну, будет, будет.

МИХАИЛ (*тянет руки*). Машенька, солнце мое...

МАРИЯ (*вскакивая, Михаилу*). Не прикасайся ко мне! Я только за кофтой зашла. Где она?

Мария проходит в комнату. Берет свою кофту с дивана – и замирает. Оседает на пол. Вновь плачет.

ПРОФЕССОР. Маша, дорогая, стоит ли так переживать? Пожалейте себя. Этой несчастной суке сейчас все же лучше, чем вам. (*Протягивает лотерею.*) Вытяните бумажку!

МАРИЯ (*пристально смотрит на профессора*). Нет, вы не Старик Букашкин. Букашкин был добрый, а вы – злой, злой! И не улыбайтесь так. От вашей улыбки мне становится жутко.

ПРОФЕССОР. Это нормально, так и должно быть: когда одному смешно, кому-то другому страшно. И наоборот.

Душевная механика! Третий закон Ньютона. Сила действия равна силе противодействия.

АЛЕКСЕЙ. И что же в сумме?

ПРОФЕССОР. А в сумме ноль. Наиполнейший ноль. И в этом балансе – высшее благо и справедливость. Я человек слова – знаю, о чем говорю.

АЛЕКСАНДР. И чего вы все? Расплакались, разволновались. Машина собачку переехала? Щеночков жалко? Кхе-кхе. Ерунда какая! Вот у меня мать сегодня в больницу слегла, с инсультом.

ОЛЬГА. И почему ты не едешь к ней? Прямо сейчас!

АЛЕКСАНДР. Я знаю, что все равно буду мучиться и переживать. Так лучше я начну это делать завтра, а не сегодня. Ведь в действительности причин для страдания нет. Есть сопротивление проживаемым эмоциям. Внутренние зажимы. Нужно позволить жизни во всех ее проявлениях свободно протекать через нас. Счастье, несчастье, бытие, небытие – это только формы нашего сознания. Как говорил один дзэнский мастер, только освободившись от иллюзорности...

ОЛЬГА (*перебивает, плачет, бьет кулачками Александра в грудь*). Разрыдайся, слышишь, разрыдайся! Прищеми себе палец дверью – и заори, наконец. Это у тебя нет страдания! И сострадания нет. (*Успокаивается, отходит.*) Впрочем, палец дверью – наверное, слишком больно. И ты просто трусишь...

АЛЕКСАНДР (*улыбается*). Кажется, кто-то выпустил веревочку из рук, и праздник улетучился.

У соседей сверху раздаются хлопки шампанского, дружный смех. Слышна музыка группы «The Crazy World of Arthur Brown». Все смотрят в потолок.

Картина 6

Запущенный садовый участок, открытая веранда летнего дома. Мария и Михаил сидят за столом: пустые кофейные чашки, пепельница с окурками. Александр переливает содержимое «мерзавчика» в коньячный бокал, прохаживается перед крыльцом. Профессор и Ольга, расположившись на траве, перебирают и чистят картошку. Константин вскапывает землю. Негромко играет «Спидола», настроенная на волну прошлого. Все молчат.

МАРИЯ. Ну-у? Почему все такие задумчивые? Мы не в чеховской пьесе.

ОЛЬГА. И на вишневый сад Костина дача что-то не сильно походит...

АЛЕКСАНДР (Константину). Слушай, а ты не пошутил про сельское хозяйство? Тебе разве ботанического сада мало? Халупу эту зачем-то купил. Картошку решил сажать. Вон и грядку целую уже вскопал. Совковой лопатой.

ОЛЬГА. Какие же вы недалекие! Костя делает себе биографию, которая потом превратится в библиографию. Настоящий поэт не может без такой метаморфозы. Пройдет лет двадцать – и он над всеми нами еще посмеется. Вот увидите. Напишет гениальную поэму, заведет кур, и редакторы будут сами ездить к нему в усадьбу за стихами.

АЛЕКСАНДР. Какая-то странная биография.

ОЛЬГА. Ты не понимаешь! Костя – это новый Фрост. Пока все другие суетятся, он занят делом. Ему не шумиха нужна, как однодневкам актуальной поэзии, а почва и...

МАРИЯ (перебивает). Нет, Костя, ты нас пригласил, ты нас и развлекай!

КОНСТАНТИН. Я приглашал одну Ольгу.

МАРИЯ. А ты думал, нам не интересно будет поехать? Коллективный сад «Надежда». Это ж надо было такое название придумать!

АЛЕКСАНДР. Какая-то убогая надежда.

МИХАИЛ. Надежда умирает последней...

Чеховская пауза.

ПРОФЕССОР. А давайте во что-нибудь поиграем?

КОНСТАНТИН. В крокодила?

МАРИЯ. Почему бы и нет? Профессор, ваша идея – вы мне и загадываете слово.

АЛЕКСАНДР. Поддерживаю. Человек играющий – лучше, чем человек философствующий. Хотя... вот и опять софизм. (*Бьет себя ладонью по губам.*) Молчок, молчок. Будем легкомысленны, как дети. И беспринципны, как змеи. Сбросим кожу своих убеждений. Освободимся от своего постылого эго.

МАРИЯ. Все в круг! Костя, иди к нам, оставь свой совок!

КОНСТАНТИН. Начались актерские этюды...

Профессор с Марией отходят за вишневый куст, он что-то шепчет ей на ухо. Мария смеется и начинает пантомиму. Все другие собираются кучнее перед домом, образуя полукруг.

ОЛЬГА. Маша, уже можно отгадывать? Или ты еще не в образе?

Дружный смех. Мария хмурится. Принимается жестикулировать еще активнее.

АЛЕКСАНДР. Эпилепсия, нет?

МИХАИЛ. Единение? Святость? Женственность?

КОНСТАНТИН (профессору). А вы хорошо придумали. Хоть Миша немного ожил.

ПРОФЕССОР. Пускай. Это ничего.

МИХАИЛ. Бытие? Молодость? Ценность?

АЛЕКСАНДР. И зачем молодости какие-то там ценности, когда она сама – ценность? Это потом, с возрастом, когда в тебе что-то начинает выгорать...

МИХАИЛ. Счастье? Душа? Гармония?

АЛЕКСАНДР. Поскорей бы уж выгорело... Пока мы наполнены своим внутренним содержанием, мы не сможем вместить мир. Только через пустоту открывается путь. С которого нас вечно уводит в сторону...

МИХАИЛ. Мечта? Фантазия? Надежда?

АЛЕКСАНДР. Эх, может, и мне все бросить? Выбраться из-под земли, переехать в деревню. И в самом деле. Исход! Благорастворение воздухов. Тишь да гладь: ни скорбей, ни радостей, ни болезней. Да только одному трудно – хозяйка нужна...

МИХАИЛ. Любовь? Энергия? Красота?

АЛЕКСАНДР (самому себе). Хотя... если все бросить – зачем же переезжать? Затылком оземь – и в небо Аустерлица...

ПРОФЕССОР. Значительно!

МИХАИЛ. Будущее? Свершение? Совершенство?

АЛЕКСАНДР. И что, собственно, бросать?

МИХАИЛ. Жизнь? Идеал? Смысл?

ОЛЬГА. Голова от вас кружится. Бессмыслица какая-то...

МАРИЯ (всплескивает руками). Ну вы и тугодумы.

ОЛЬГА. Что? Бессмыслица? (Михаилу.) Извини, Миша, я нечаянно...

МАРИЯ (ведет Ольгу за руку). Пойдем! Я придумала слово. Вот ни за что не отгадают!

ОЛЬГА. Маша, у тебя хоть когда-нибудь садятся батареи?

АЛЕКСАНДР. Лягушка-попрыгунья ты наша... И как там? Лишние люди, отцы, Базаров...

Михаил незаметно удаляется на веранду. Мария загадывает Ольге слово. Начинается второй тур игры.

ПРОФЕССОР. Кажется, что-то большое, всеохватное.

АЛЕКСАНДР. Эйфория? Катарсис? Экстаз?

КОНСТАНТИН (спонтанно, в пустоту). Распродажа. (Ольга кивает головой.) Распродажа?

МАРИЯ. Ну-у...

КОНСТАНТИН. И при чем здесь распродажа? А, это Маша...

Ольга и Константин отходят за вишневый куст. Смотрят друг на друга. Ольга целует Константина в губы.

ОЛЬГА. Тебе понятно, какое слово я загадала?

КОНСТАНТИН. Так не надо, Оля... Я не должен. Извини.

Ольга поспешно уходит в дом. Александр одним глотком допивает коньяк.

АЛЕКСАНДР. К черту ваши игры! Займемся сельским хозяйством! Сажать будем только глазки. Нечего цельный продукт в земле гноить. Смотрите, как надо!

Александр берет ведро с картофельными очистками, на ходу прибавляет громкость радиоприемника (звучит песня «Широка страна моя родная»), сбрасывает обувь, широким жестом вытряхивает содержимое ведра на грядку и начинает пляску, прыгая с одной ноги на другую и голыми пятками вдавливая очистки в землю.

АЛЕКСАНДР. Земля и так примет! Земля примет. Хоп-хоп! Хоп-хоп! Раз – два, раз – два!

Все, замерев на своих местах, смотрят на Александра. Затем музыка резко смолкает. С крыльца сбегает Ольга с мобильным телефоном в руке. Останавливается перед Александром, продолжающим переминаясь с ноги на ногу.

ОЛЬГА. Твой телефон... из больницы... только что... Елена Георгиевна... ее больше нет.

Александр как бы не замечает ее, топчется на месте.

ОЛЬГА. Ты слышишь меня? Твоя мать умерла!

АЛЕКСАНДР *(все медленнее и тише)*. Земля примет, земля примет... Ничего, ничего...

Картина 7

Привокзальная площадь. Профессор и Ольга стоят посреди спящей толпы.

ПРОФЕССОР. Нет, нет, нет. И напрасно вы пришли меня провожать. Костя вам уже все сказал.

ОЛЬГА. В том-то и дело, что ничего он не сказал! Я даже не знаю: человек ли он вообще? Может быть, статист, манекен? К нему прикоснуться страшно – такое ощущение, что у него температура тела комнатная.

ПРОФЕССОР. А вы быстро охладели. После поцелуя. Извините за каламбур.

ОЛЬГА. Это вы о любви? О том, чего не было? Да, наверное, это я – глупая, неразвитая, эгоистичная – всю

композицию нарушила, не смогла тонкой писательской души разгадать. И все же я хочу, чтоб на меня смотрели живыми глазами и видели человека, женщину, а не... метафору, тему или что там еще?..

ПРОФЕССОР. Свое будущее воспоминание.

ОЛЬГА. Будущее меня не волнует, и прошедшее пусть забирает, кто хочет. А мне нужно только настоящее, только то, что сейчас!

ПРОФЕССОР. И зачем оно вам? Настоящее уныло, как сказал поэт. Кроме того, так щедро разбрасываясь временем, вы ведь себя в нищету вводите: каждый миг занимаете у будущего и тут же отдаете прошлому.

ОЛЬГА. Довольно поэзии... Пусть будет хоть какая действительность – унылая, страшная, смешная. Лишь бы она была действительная и моя! Ведь мне уже скоро тридцать лет! А я все ищу и ищу. Я хочу, наконец, найти! Университет, работа, книги, знакомства... Зачем? Если люди, события, буквы – все мимо. Один бесконечный и мутный поток... Я будто все тру какое-то тусклое стекло – и ничего за ним не вижу, никакой сути. И не могу пробиться сквозь него... Вот вы старый, мудрый человек. Скажите мне: как жить? Для чего?

ПРОФЕССОР. Перелистывайте жизнь, как настенный календарь. И старайтесь не делать лишних пометок.

ОЛЬГА. Я уже не различаю, кто над кем смеется... Вы над нами? Или мы над собой? Все наизнанку. Галерея уродцев и кривых зеркал. И ведь я совсем одна... Временами свой собственный голос как бы со стороны слышу.

ПРОФЕССОР. Вы хорошая. Очень.

ОЛЬГА. Люди все хорошие! Только жизни у них почему-то корявые. И чем лучше человек, тем больше он гадости сделает – себе и другим... Ну почему я не могу поехать с вами?

ПРОФЕССОР. Потому что там, впереди, то же самое. Уж поверьте мне. А здесь, по крайней мере, с вами остаются Михаил, Александр...

ОЛЬГА. Вы разве не видите, что это руины?

ПРОФЕССОР. А что не руины? Вы все ужасно надоели мне со своей молодостью и потугами счастья. Впрочем, я и сам покусился было на обе скорлупы – на весь орех, который давно расколот... Но – нет. Тут уж, видимо, выбирай: либо существование, либо жизнь.

ОЛЬГА. Я вас не понимаю.

ПРОФЕССОР. А что здесь понимать? Все просто! В одни руки, как в старые времена, отпускается один дефицитный товар: безжизненное существование или несуществующая жизнь. Я выбрал первое. Если это можно, конечно, назвать выбором...

ОЛЬГА (*смотрит профессору в глаза*). Значит, вы от меня отказываетесь?

ПРОФЕССОР. Сожалею. Однако я уже от вас отказался. Там, на даче, за вишневым кустом. Крокодил нечаянно сомкнул челюсти и затем выплюнул нас с вами. А ведь была надежда... И даже не надежда – так, рецидив души.

ОЛЬГА. Но ведь вы – человек слова! Разве это справедливо? Где же ваше обещанное благо?

ПРОФЕССОР. Да, я человек слова. А вне слова, как вы знаете, ничего нет. И вас тоже нет. Вы не существуете.

Ольга беззвучно плачет.

ПРОФЕССОР. Только, пожалуйста, не убивайтесь так. Это ничему не поможет. Знаете, никогда не понимал, почему люди на похоронах плачут. Не стало кого-то – и слезы. И поминальные платочки в руках... По-моему, все разрушенное, несостоявшееся, зачеркнутое – если оно нам действительно дорого – нужно осмеивать, а не опла-

кивать. Да-да. Плачем страх не изгонишь. И на совершенную любовь положиться нельзя... Остается только смех. Поэтому смейтесь и ничего не бойтесь. Прощайте.

Профессор делает несколько шагов прочь. И возвращается.

ПРОФЕССОР. Вот ведь... Выпало из головы. (Достает из рукава бумажные листы, свернутые трубочкой, вкладывает Ольге в руку.) Набросал комедию. Не Божественную, конечно. И все же, думаю, вас захватит, увлечет. А если нет, тогда бросьте ее в урну. Невелика будет потеря.

Профессор уходит. Ольга долго стоит на одном месте, не разжимая ладони с листами. Затем начинает останавливать прохожих, обращаться к ним. Люди, не слушая, бегут по своим делам.

ОЛЬГА. Скажите, пожалуйста, этот город... Извините, вы не знаете, существует ли... Прошу прощения, этот город вообще...

Конец